

An abstract painting with a warm, orange and red color palette. The background is a textured, mottled grey. In the upper right, there is a large, stylized face with closed eyes, rendered in shades of orange and yellow. Below the face, a dark red banner contains the title in white Cyrillic letters. In the lower center, another dark red banner contains the subtitle in white Cyrillic letters. The overall style is expressive and somewhat somber.

Виктор Оден

ЛЕТОПИСЬ ТЭЛЫ

стихотворный
роман

Виктор Оден

Летопись Тэлы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18324760

ISBN 9785447470470

Аннотация

Художник лежит на полу земляном, обедая корочкой хлеба. Зияющий в крыше прогнившей проём заполнен вращением неба. Вальсирует Син за кружащимся Ра. В безудержном звездвороте Плеяды и Сириус, как мошкара. Рождаются, гаснут в полёте светила и птицы. И нет ни на миг возможности остановиться. Художник задумчиво смотрит на них. Его голова не кружится.

Содержание

1	8
2	10
3	12
4	14
5	16
6	18
7	20
8	22
9	24
10	26
11	28
12	30
13	32
14	34
15	36
16	38
17	40
18	42
19	44
20	46
Миф о Вороне	48
Миф о Чёрном Великане	50
Миф о Капле Росы	52

Миф о Распорядке Дня	54
Миф о Реформаторе	56
Миф об Идентичном Размножении	58
Миф о Ревизоре	60
Миф о Золотом Сне	62
Миф о Героях	64
Миф о Мастере	66
Миф о Замке	68
Миф о Мухе	70
Миф о Внутреннем Дожде	72
Миф о Клоуне	74
Миф о Тёплых Краях	76
Миф о Нирване	78
Миф о Никуданепускателе	80
Миф о Грехопадении	82
Миф об Эскулапе	84
Миф о Фэншуе	86
21	88
22	90
23	92
24	94
25	96
26	98
27	100
28	102
29	104

30	106
31	108
32	110
33	112
34	114
35	116
36	118
37	120
38	122
39	124
40	126
41	133
42	135
Космогоническая Теория Бесподобного Мо	137
43	139
44	141
45	143
46	145
47	147
48	149
49	151
50	153
51	155
52	157
53	159
54	161

55	163
56	165
57	167
58	169
59	171
60	173
Речь Мо на первом собрании ВОЛа	175
Краткое изложение Главной Книги	178
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Летопись Тэлы
стихотворный роман
Виктор Оден

© Виктор Оден, 2016

© Константин Михайлович Кондитеров, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Немая тьма и полный штиль.
В Начале было всё едино.
Спокойно цело невредимо.
Без направляющих светил.

Ни сна, ни выдоха, ни вздоха,
ни дня, ни ночи, ни зима,
ни лето. Вечная эпоха.
Как монолит – немая тьма.

И в этой тьме открылось око
среди прозрачной пустоты.
Из мысли, звука, взгляда, слога
возникли зыбкие черты

едва заметных крыльев ветра,
прожилки в зеркале воды,
туман рассеянного утра,
существ невиданных следы

среди неясных очертаний,
под шум невнятных голосов
встречавших рай нестройной рани,
как долгожданный новый сон.

В плену пронзающего взора
порхали складки пелены,
сплетались линии в узоры
беспечно-радостной весны.

В упругой светопаутине
в восторге пой, танцуй, играй,
ваяя плавно в мягкой глине
нестройной рани странный рай.

2

Боль ударила в литавры
как волну с волною шторм,
и ритмичные удары
сбили в хор структуру форм.

Знак стал жестом, слог стал словом.
Боли крик и тишина
на незыблемой основе
ткали наши имена.

Бой огромных барабанов.
Битва воющих ветров.
В буйном рёве ураганов
шум и ярость гневных слов.

Буря пела и дробила
всё в гудящих жерновах,
в завершённые стропила
прессовала лёгкий прах,

цепи крепкие ковала,
пыль и мглу свивая в плеть
в центре огненного шквала,
вихря злого посередь.

В схватке радость клокотала.
Вспышек ярких чередой
зев горящего оскала
хохотал наперебой.

Быстрой молнией во мраке,
стержнем в круге буруна
на невидимой подкладке
проступали письма.

3

Над землёй парила радуга.
Пели птицы на ветвях.
По стволу струилась патока,
исчезавшая в корнях

зеленеющей смоковницы,
уходящей ввысь и вниз.
У корней её нора лисы,
меж ветвями – гнёзда птиц.

По околице – окружности
тут и там, и там и сям
разных видов и наружности
копошится живность вся.

Светит с неба солнце яркое.
Поливает почву дождь.
Антилопы ходят с яками.
Вьётся мошка. Скачет вошь.

Пьёт орёл прохладу неба ли,
рыба ль мечется икрой,
возрождённые из небыли
все так заняты игрой,

что отвлечься им едва ли бы
здесь удастся. Белый снег
вяло стряхивают Альпы.
Море лижет знойный берег.

Чешуёй холодной Ладога
переливчато кишит.
И нечаянная радуга
чешет спину о зенит.

4

Сидел Человек у огня в львиной шкуре
и палочкой что-то в песке рисовал,
надбровные дуги угрюмо нахмурив,
поскольку без женщины он тосковал.

И вдруг из-за рядом стоящего древа
босая ему показалась нога,
и вышла прекрасная юная Дева
вдвойне дорогая, поскольку нага.

Сидел Человек на песке в изумленье,
открыв исковерканный радостью рот.
Он это чудесное очень мгновенье
запомнил, как, впрочем, и весь эпизод.

Теперь если он уходил на охоту,
то Дева его с нетерпеньем ждала,
горшки обжигала, скрывая зевоту,
лепёшки из дикой пшеницы пекла.

А он, чтоб добыть ей побольше, старался.
Со стрелами лук и силки мерковал.
И соком растения шкуры покрасив,
смотрел на лица её нежный овал.

Она же хранила очаг, и, готовя,
однажды смешала горшок молока
с горшком изумительной зебриной крови.
Он выпил напиток в четыре глотка.

Под сенью стоящего рядышком древа
в согласии радостном длили свой век
нагая прекрасная юная Дева
и ловко охотящийся Человек.

5

И жир животных они приносили Огню.
И Огонь радовался и горел без дыма.
Второго года к первому дню
родилось у Девы три сына.

И муку из зёрен приносили Огню.
И Огонь радовался и горел без дыма.
Второго года к первому дню
родилось у Девы три сына.

И смесь благовоний приносили Огню.
И Огонь радовался и горел без дыма.
Второго года к первому дню
родилось у Девы три сына.

Сына в честь Грома называли Агу,
и Дева его на руках носила
от очага к двери и обратно к очагу.
И был в нём разум. И была в нём сила.

Сына в честь Солнца называли Уга,
и Дева его на руках носила
от очага до двери, от двери до очага.
И был в нём разум. И была в нём сила.

Сына в честь Ветра назвали Гуа,
и Дева его на руках носила
под скрип двери, под треск очага.
И был в нём разум. И была в нём сила.

Когда подросли они, научил Человек
сыновей всему, что сам умел.
И ходили вместе сыновья по траве —
три лука, двенадцать стрел.

6

Благоуханно свежи были ночи,
горели звёзды тлеющих углей,
и родились четыре дочери
у Человека с Девой на земле.

Кто может быть стеснительней и кротче,
кто может быть нежнее и милей,
кто может быть доверчивей и проще
по самой строгой внутренней шкале?

Они – алмазы между разных прочих
недрагоценных будничных камней.
Ничто не в силах смять и опорочить
крашу и прелесть в девственной стране.

Ясны поступки, и слова, и очи.
Тревоги нет и тени на челе.
Подобны зорям стороны восточной.
Чисты, как пена западных морей.

Их речь тиха, но смысл её отточен.
Сестра. С сестрой. Сestroю. О сестре.
Цвет ровный лиц и скат овалов сочен
как жар огня, застывший в янтаре.

В их свите лев, орёл, телец и кочет,
медведь и страус, вепрь и олень,
и каждый ждёт, и каждый очень хочет
быть ближе к ним и быть на их столе.

Мать любовалась, любовался Отче,
и становились мягче и добрей.
И набухали на деревьях почки.
И колосился в поле лук-порей.

7

На охоту отправился рано утром
Человек по лугам, степям, лесам.
Шёл вброд по Рейнам и Брахмапутрам,
и вот гора, поднимающаяся к небесам.

По неровному склону взошёл на вершину.
Присел отдохнуть среди облаков.
Глядел на полуденные долины,
лежащие внизу далеко.

И узрел мощь, красоту и величие,
шутку, подсказку, ловкий трюк.
И не видел различия
между собой и тем, что вокруг.

Скал суровых протяжные мысли читал он.
Считал редкий пульс валунов,
всегда грозящих сплошным обвалом
ринуться на ущелья дно.

Одинокой птицей летел за ветрами.
Змеёй в расселине, извиваясь, полз.
Лучом солнца в хрустальном храме
звенел. Винограда гроздью рос.

Не принёс добычи Человек с охоты.
Но с тех пор знанием сиял его лик.
Он спрашивал сам себя: «Кто ты?»
И отвечал: «Света блик».

Глядя на него, тревожилась Дева,
не сошёл ли Человек невзначай с ума.
От недосыпа или перегрева
не потерял ли разум её примат.

8

Кто-то ушёл на юго-восток.
Кто-то ушёл на юг.
На северо-запад чей-то лёг
путь. Колчан и лук

были у каждого за спиной,
юность и отчий дом.
Что ты? Куда? Зачем? Пстой!
Молча идут втроём,

только в разные стороны. Шаг
направляют они
туда, куда стремится душа,
судьбы куда вьётся нить.

Благословляет седой отец.
Плачет родная мать.
Только вперёд под стук сердец.
Посох, бурдюк, сума.

Вперёд по пенным волнам морей,
вперёд по хребтинам гор,
по течению быстрых рек
страху наперекор.

В неизвестность, за край, за грань,
прочь от знакомых мест.
Как-то нас встретит глухомань?
Ну да свинья не съест!

Мы и сами – на зубе клык
в каменных жерновах.
Через пустыню, тайгу, тростник
пройдём не увы, не ах.

9

Уга и сестра его Афа,
пройдя мимо разных чудес,
в саванне встретив жирафа,
решили: «Останемся здесь.

Мы, правда, немного вспотели
от этой ужасной жары,
зато нас не тронут метели.
не будут кусать комары.

Слегка обомлев от масштаба
лукавой природы затей,
в прохладной тени баобаба
родим загорелых детей.

Построят они пирамиды
себе в результате труда,
чтоб в будущем разные гиды
туристов водили сюда.

Мы станем курчавоволосы
и от пигментации кож
черны. Будем кушать кокосы,
бананы и финики тож.

Агу увлечётся сафари —
летальной игрой со зверьём.
Не ведали здешние твари
дела человека с копьём.

И Афа рождённых на воле
различных зверей приручит,
чтоб куры, коровы и кроли-
ки жили поближе к печи».

10

Гуа и Аза постепенно,
преодолев свой путь пешком,
пришли вдвоём в страну степей: пом
terra steppen.com

Здесь птицы видят с горной кручи
вседневной пасторали быль,
и ходят табуны, как тучи,
топча копытами ковыль.

Храбрец Гуа и Аза тоже
поймут, что будущее здесь.
От солнца пожелтеет кожа,
а ветер сузит глаз разрез.

Основой всех перемещений
послужит тихий ход скота.
Над круглой юртой в час вечерний
раскроет звёзды высота.

Изобретут кунг-фу и порох
потомки Азы и Гуа,
и упомянет в разговорах
дела их Мэлор Стуруа.

Прижмёт Конфуция к татами
искусный мастер Лао-Цзы.
И будут прыгать вверх ногами
крестьяне в чистую Янцзы.

В дугу согнут посевы риса
строй позвонков народных масс.
Отправит опий за границу
Кэндуна выпренный савбас.

11

Лишь прихоть бесплотной мечты привела пионеров
в страну бесконечно-зелёного древнего леса,
упорного брата Агу и сестру его Эру
к зеркалам холодных озёр и полям геркулеса.

Агу молвил: «Хватит идти нам. Чего ещё надо?
Растут в изобилии клюква, черника и шишки.
А в долгие месяцы холода и снегопада
есть рыба в ручьях и в берлогах уснувшие мишки.

Из брёвен составлю квадрат пятистенного сруба,
а рядом построю обширную общую баню».
«А я приготовлю горячего сытного супа,
ответила Эра – А также опяток в сметане.

Пусть дебри лесные, казалось бы, непроходимы,
и листья остры у стоящей в болотах осоки,
зато у нас будут рождаться сплошные блондины,
известны простой прямотой, стройны и высоки.

И утлых судов в небо мачты сосновые вперив,
взмывая над бездной пучин на волне восьмибальной
из крови и плоти налепят огромных империй.
Взметнётся Эзопов ампир в Вавилоне глобальном».

так думала Эра и грозный Агу мощнорукий,
что ведал повадки звериные, тайные тропы.
Ему сшила Эра из кожи животного брюки.
А он ей надёргал душистый букетик укропа.

В низине туман. Кабаны как опята в сметане.
Плетут паутину судеб беспокойные Парки.
Сегодня местами дождливо и ясно местами.
Устами едва шевеля, спят патриархи.

12

А Рита осталась с отцом и матерью,
в личную жизнь неспроста не вышагнув.
Повесила у себя над кроватью
довольно странную вышивку,

в узор которой диковинном
потеряться могли бы
даже бывалые братцы Коэны
и бородатые мудрецы Магриба.

И однажды ночью она явилась
сёстрам и братьям во сне безвыходном,
как чудесный лечебный вирус,
из тьмы и молчания выкованный.

С непередаваемой интонацией
взглянула в глаза, обращённые внутрь.
Прошла по извилинам воздушной грацией,
не задевая внутричерепную утварь.

Вдохнула в полушария головного мозга
то ли мысль, то ли неясное воспоминание.
По позвоночника гибкому посоху
скользнула, воспаменяя

горизонты в садах Морфея.
И, окружённое горизонтами, строго посередине
возникло нечто, становясь крупнее,
похожее на Гарри Гудини,

только из сжиженного металла,
охваченного двойным припоем.
Когда родня наутро встала,
конечно, никто ничего не помнил.

Однако с тех пор
рисовал натюрморт
кто-то.

А кто-то ноту

извлекал из струны
такой глубины,
что выли
собаки в мыле.

А какой-то мастак
решил: «Ну, раз так,
оду
спою я народу!»

И действительно спел,
но уйти не успел,
сжатый
толпою шаткой.

В общем, русло искусств
дало выход для чувств
вида
и индивида.

И зовётся творцом
и глядит молодцом
гений
в геенне мнений

на вершине горы,
что из тартарары
растёт
к облакам мигрени.

Размножались сыны Человека
вельми на планете.

Разрастались сообщества
трёх первобытных племён.

Не нужна ипотека,
и так всевозможные дети,
словно в осень листва,
как подробный строчил пулемёт —

вылетали в суровые будни
из общей утробы.
Несомненный прирост населения
был налицо.

Сокращаясь в глубокой лагуне,
налим гололобый
извлекал из забвения
розовых тушек мясо.

Изменялась природа под этим
безумным напором.
Становился гораздо беднее
окрестный ландшафт.

Что нам лирика этик,
когда заливаются хором,
тянут клювами шеи
пять дорогих малышат.

На счастливой планете
лихим раздражаются ором
миллионы, а то и большее
родных малышат.

15

Не надо, братцы, жить наглея,
гроза не грянула пока,
не то расколется Пангея
на два больших материка.

Лил смертоносный дождь из серы.
Твердь уходила из-под ног.
Из жерла полз, не зная меры,
огня кипящего поток.

Прощай, Лавразия! Гондвана
рывками с якоря снялась,
вздымая волны океана,
как нож сквозь масло Панталасс.

Непросто выжить в катаклизме,
когда скрежещут вразнобой
стихий суровых механизмы,
и недра стонут под ногой.

Зло жалит сердце хищный ужас,
в гортань подкатывает ком,
когда земля дрожа и тужась
от спазм ходит ходуном.

Придётся зубы сжать, ребята,
координаты взять в расчёт,
пока могучие три пятых
по водам водят хоровод.

Да, мы, конечно, наглумили.
Признаем без обиняков.
Но проплывём века и мили
на поплавках материков.

16

Исчерпав мороку инцидента,
гвалт закончив, хаос и бедлам,
прекратили бучу континенты
и спокойно встали по местам.

Снова можно было без оглядки
босиком побегать по росе,
посадить растения на грядки,
всей толпою высыпать на все

берега, вершины и равнины,
у костра спокойно посидеть,
на картинно сваленных руинах
смаковать прожаренную снесь.

Хорошо, проснувшись после бури,
пережив кромешную грозу,
вновь увидеть в розовой лазури
аллозавра, волка и козу.

Имена долинам и потокам,
континентам, горам и лугам
нарекли Агу с Гуа потомки
и потомки брата их Уга.

Расселились в лоне окоёма,
части суши заняли навек.
Шелестя, росла трава у дома.
И дрова лежали на траве.

Атлас был ещё не разлинован,
лишь едва намечены бразды.
Прежний мир вертелся в теле новом
и казался вечно молодым.

Жили тогда на земле самоходные зажигалки.
В их чревах из перевариваемой пищи выделялся газ.
На лицо ужасны. Характером гадки.
Они зубами вот так вот раз —

чиркали и выдыхали пламя.
Увидев этакий аттракцион,
опалённый противник по панораме
убегал, обескуражен и возбуждён.

Эти распоясавшиеся гегемоны
к еде избыточную проявляли прыть.
Приходится констатировать тот факт, что драконы
людям чрезвычайно мешали жить.

Все возмущались. Некоторые бросали скальпы оземь,
что-то говорили про мир во всём мире.
Но что подделаешь, когда сто двадцать восемь
зубов у рептилии. Или хотя бы шестьдесят четыре.

Возьмёт и скушает с какой прямо,
поковыряет в зубе и выплюнет глаз.
Не успеешь даже сказать «мама»
или «адмиралтейство» в последний раз.

К тому же чувствовали они на расстоянии добычу,
улавливая звон её душевных струн,
и неслись за ней, набычась,
перекатывая по телу мышц чугуны.

Такие вспыльчивые соседи
доставляли людям немало хлопот,
потому, что бесчинствуя, хамя и бредя,
ходили в непосредственной близости взад и вперёд.

Становилось прохладнее. В гуще джунглей лианушки
провисали тонёшеньки. Птички пели навзрыд.
Мёрзли хлипкие пальчики на руках обезьянушки.
Где ты, солнышко яркое, дорогой Айболит?

Это как же случилось, что так съёжились тропики?
Отойдёшь от экватора, так вообще минус два.
Там какие-то карлики, и деревья дистрофики.
Почернели бананушки. Пожелтела трава.

«Холода нам не нравятся, ну их к чёртовой бабушке!» —
заартачились ящеры поджимая ступни.
Где все фрукты и овощи? Где теперь баобабушки?
Но от них лишь остались незаметные пни.

Что ты, стужа, наделала с озорными ти-рэксами?
Птеродактиль воробышком замерзал на лету.
«Наша жизнь стала скучная и неинтересная» —
диплодок неприкаянный скулил в темноту.

С каждым днём всё заметнее падал столбик термометра.
Ушки, маковки, камушки синий иней покрыл.
Почти все хладнокровные пресмыкнулись и померли.
Замер в позе неискренней пожилой шипокрыл.

Безразлично-спокойные молча кутались в тученьки
звёзд алмазы холодные и большая луна.
Извивались удавами ледники неминучие.
А за ними практически нежилая страна.

Кто где лёг, там и спрятался, научился, подстроился,
кто свернулся калачиком, кто сумел, тот и съел.
Меч природы, карающий существа по всей строгости,
над несчастными тварями равнодушно блестел.

19

Флора и фауна изменились.
Не все из праха главы подымут.
Кто исчез, кто заново вырос,
соразмерив себя и климат.

Нам от прошлого лишь мочало
достаётся порой. Не будем
ныть и плакаться. Всё сначала
по соломинке строить людям

приходилось не раз. Что проку-то
в бесполезных повадках лисьих.
Делай дело под грохот рокота
осыпающих мозг коллизий.

Нет спасения слабой плоти
от смешного коварства духа.
В дивном образе смачной тётки
нависает с косою старуха.

И слепая грозит весами,
возлагая сердца на чаши:
«Позабавились чудесами?
Отдавайте должок мамаше

полной мерою и всецело,
до копеечки!» А доколе
не пришёл твой срок, делай дело.
Делай дело, дружище Голем.

Над скорлупкою хрупкой темечка
белый аист несёт ребёночка,
чёрным вороном кружит времечко,
и вращается киноплёночка.

Когда корабли, налетая на риф,
уходят в пучину, разбиты,
из волн и сомнений рождается миф
в пустой голове неофита.

Ему не хватает зыбучих опор.
Он хочет бороться, предвидя
победу и промах, триумф и позор.
Запутан в бесчисленных нитях,

он ищет ответа на глупый вопрос,
поставленный странно и криво.
И падает слабый несчастный матрос
бараньей котлетой в подливу.

Чтоб цивилизации выстроить град
нужна обязательно схема
бульваров и скверов, проспектов и хат
и коммуникаций система.

Давайте построим её в головах
у вялотекущих сограждан,
и те возликуют восторженно «Вах!»
толпой и в отдельности каждый.

В заветные таинства разумом взмыв,
согнувшись и встав на колени,
сплетали народы развесистый миф
для будущих поколений.

И втуне, под спудом великих идей,
детальями важными скрыта,
во сне доходила порой до людей
волшебная музыка Риты.

Миф о Вороне

Живёт на окраине мира
ворона размером с орла
и смотрит сквозь дырочки сыра,
как патоку хлещут с горла

куницы, хорьки и еноты
в бескрайнем дремучем лесу.
Возможно, ты видел её ты
намедни в десятом часу.

Как страшные синие сливы,
три зенки над клювом висят,
вбирая в себя перспективы.
Слезами с них капает яд.

Острее чем бритва когтями
кончаются пальцы её.
Когда она машет локтями,
верша непрерывный облёт,

вздыхают тяжёлые горы,
полярные рушатся льды
и рыбы с мольбой и укором
глядят на неё из воды.

Ты можешь бояться и плакать,
а хочешь – клыками ощерь
податливо-сладкую мякоть,
залезь в незаметную щель,

но сам ты большая ворона
и гордый красавец орёл,
паря над кустами нейронов,
запретный банан изобрёл.

Миф о Чёрном Великане

Бойтесь, дети, Чёрного Великана!
Одноглазого Чёрного Великана.
У него зоб, как у пеликана,
и огромные грабли торчат из рукавов жупана.

Тело великана – крупные и мелкие камни,
притянутые, как на аркане
к центральному камню, согласно карме,
который есть сердце великана, а не,

как говорят заблуждающиеся, почка.
Великан приходит, топча и куроча
что попало, обычно ночью.
В задумчивости почёсывая гранитную мочку

деформированного среднего уха
присаживается, покашливая глухо,
достаёт известняковую краюху
и не спеша набивает брюхо.

Того, кто найдёт той краюхи крохи,
которых мало, которых трохи,
будут бояться слоны и блохи.
На того не подействуют никакие присохи,

гипноз, навет и прочие чары.
Не будут сниться ему кошмары.
Он станет легко отражать удары,
плевать дальше всех и тушить пожары.

Но если пропажу великан заметит,
то он по полной за всё ответит.
Так что при лунном обманчивом свете
бойтесь Чёрного Великана, дети!

Миф о Капле Росы

Обычно в утренние часы
тихо, как будто пакля
в ушах. Околоземной росы
из есть одна лишь капля.

Если ту каплю случайно смахнуть,
тут же появится кочка
неустойчивая, как ртуть,
и на той кочке точка.

Если чуть-чуть на точку нажать,
сразу запахнет дымом.
Будет нечем вокруг дышать.
Волосы встанут дыбом.

Если из дыма скомкать шар,
вмиг заиграет лира
музыку, знойную, как пожар,
холодную, как секира.

Если у лиры сорвать струну
и намотать на палец,
увидишь чужую тебе страну,
в которой живёт скиталец.

Если спросить скитальца – кто,
что, почему и где же,
он подарит тебе пальто
и много другой одежды.

Эту одежду спешి надеть,
пока никто не застукал.
Только тогда выглядеть
будешь, как триста пугал.

Миф о Распорядке Дня

Где позёмка мчится,
воду леденя,
в толще льда хранится
Распорядок Дня.

Сколько до отбоя
и когда подъём,
всё про нас с тобою
выписано в нём.

Чтоб Дзуликий Янус
не водил за нос,
разузнай диагноз,
прочитай прогноз.

Но сначала нужно,
модный сняв камзол,
долго и натужно
строить ледекол,

шить штаны из меха,
уточнять маршрут.
Это не потеха,
а тяжёлый труд.

Даже если очень
хороша вся снасть,
в заданную точку
можно не попасть.

Потому, что цикнув
стрелкой часовой,
мачта мимо цифр
вскроет череп твой.

Миф о Реформаторе

Жил король и королица,
и у них царёнок рос
в государственной столице
всяческих метаморфоз.

Там наука – не наука.
Да и жизнь – совсем не жизнь.
И сеппуку – не сеппуку
потому, что все ножи —

не ножи на самом деле,
а совсем неясно, что.
И не так сидят на теле
шляпа, бриджи и пальто.

Вот царёнок речь глаголет:
«Я желаю, что бы все
без затей играли роли.
Хватит ездить на козе!

Бросьте мыться тёртым салом,
стричь оранжевых овец,
что бы всё обычно стало
и нормально наконец!»

И корону из гудрона
приподняв над головой
горделиво сходит с трона
с мокрой тряпкой половой.

И воздев её как знамя,
обратив горе чело,
продолжает: «Кто не с нами,
тот получит ничего!»

Миф об Идентичном Размножении

Древнее существо, имя которого затерялось в архивах,
летало кругами в совокупности свобод
без определённых мотивов
и увидело себя в зеркале вод.

Остановившись изумлённо в зените,
застыв на вираже оно
услышало: «Извините!»,
сказанное отражением тому, кто отражено.

«Ответьте, если это возможно, кто вы?
Почему повторяете движения мои?»
Улыбнулось древнее существо: «Начнём «об ово».
Я парю в небе золотом, как аи.

А ты живёшь на тончайшей плёнке,
которую образует морская вода.
Можешь считать себя моим ребёнком
со всеми вытекающими. Согласно?» — «Да».

И вот они вдвоём полетели
друг против друга, во всём схожи.
Поднялся ветер, как колыбели
качая волны, отражения множа.

А волна от волны весьма отличалась.
От ошибки к ошибке, за повтором повтор
исчезла первоначальная величавость
композиции. Затем-потом

возникли частности (то бишь части).
Образовалась пёстрая непонятная бурда.
И всем от этого было счастье,
правда, не везде и не всегда.

Миф о Ревизоре

Вполне возможно, будущее – ложь,
а прошлое – рождественская сказка,
и только в настоящем огребёшь
желанную счастливую развязку.

Промаявшись до третьих петухов
в бессоннице и потный скинув саван,
услышишь серафимов зычный хор.
Душа уйдёт, тихонько пятясь за ум.

То едет Ревизор по большаку,
в деснице – острый шнобель, в левой – рашпиль,
выслушивая чинно на скаку
почтительные всхлипы, плачь и кашель.

Медлителен и важен, как пингвин,
опасен, словно бритва брадоброя.
Стучит народ в грязи грехов и вин
зубами: не рубите нашу шею.

Но шея топору не Рубикон,
но сумрачный тоннель в подземку ада.
Лишь Ревизору ведомый закон,
как щит, пришитый на врата Царьграда.

А где есть щит, конечно, есть и меч.
Остры глаза посланника Фемиды.
Куда деваться смертному и бечь,
когда в душе, как щупальца – флюиды,

которые несут кому позор,
кому язя копчёного на блюде.
Но вот уехал дальше ревизор,
и выдыхают с шумом воздух люди.

Миф о Золотом Сне

Едва ли кто видел в сумбуре материй
знакомый, родной и простой,
тот самый желанный, который потерян
в беспамятстве – Сон Золотой.

Обрывки мелодии, всполохи света,
взмах крыльев ничьих у плеча...
Сознание тщетно блуждает по следу
заветной добычи, ища

в затейливых дебрях бесплотного зайца,
который всегда за спиной
с ехидцей сочувственно улыбается.
Реальности из не иной,

придуманной кем-то, а именно этой
вдали возникает мираж.
Лучами фантазии светлой согреты
регистры возвышенных башен,

холмы куполов, скромных хижин солома.
Но мимо идёт караван
горбатых мыслишек линией ломанной
к холодным чужим городам.

Ведь Сна Золотого предчувствует зритель
финальный разящий аккорд,
крушащий басами земную обитель.
Взлетев над суставами хорд

сверкает улыбка и, разом померкнув,
ныряет под занавес сна
свинцового, что в обиходе у смертных.
Любовь. Комсомол. И Весна.

Миф о Героях

Чем обычно дерутся великие люди?
Неизвестно. Наверное, чем-то большим.
Им по праву всё лучшее из атрибутик
достаётся, чтоб мощью плембеев страшить.

Им неведомы страхи, налоги и штрафы.
Надоедливо мелочь в мошне не звенит.
Затаённые в недрах дубового шкафа
из титана доспехи – вот их реквизит.

Вы от них не услышите слово «пуанты».
Если ростом с Везувий, какой тут балет?
Но легко помещаются в замках атланты,
на страницах таблоидов, в новый багет.

В каждом доме, посёлке, стране и деревне
эвкалиптом, собором, бизоном, горой
над макушками ближних вовеки издревле
возвышается свой незабвенный герой.

На просторах достаточно крупного мира,
если собственной лень размышлять головой,
вы найдёте себе по ранжиру кумира
с катехизисом или большой булавой.

Если кто-то сумел так удачно родиться,
социальных вершины познать пирамид,
освещённые солнцем привычных традиций,
значит, всё справедливо, без глупых обид.

И гоните пинками Фому и Терсита.
Кто они, что бы в зависти желчь изливать?
Волки смелые целыми овцами сыты.
Режет воздух праща и поёт тетива.

Миф о Мастере

Опять запал курок у бластера.
Взорвался газовый баллон.
Зовите Мастера! Зовите Мастера!
Придёт и всё починит он.

Закончив практику и сдав экзамены
довольно сложные, но все на пять,
не лезьте сами вы, не лезьте сами вы,
чтоб окончательно всё не сломать.

Построил дом, расплавил олово,
сварил весёлое пивцо,
он изобрёл для вас, он изобрёл для вас
амфитамин и колесо.

Присев на корточки, чинарик выплюнув,
посмотрит пристально, ухватит суть,
он молча выпрямит, он молча выпрямит,
что надо выпрямить, а не согнуть.

Как будто исподволь и с неохотою
определит, где верх, где низ,
и заработает, и заработает
необходимый механизм.

Возможно, в юности общался с бесами
и как-то походя, у них спросил
про неизвестные, нам неизвестные
взаимодействия неравных сил.

Откуда знать он может хитрости?
Да уж, конечно, неспроста!
За раз не вытрясти, на раз не вытрясти
из головы заветных тайн.

Миф о Замке

В городе пустом ни шороха. На древних
пыльных мостовых лежат косые тени.
Стен глухих ряды. Коричневые гребни
крыш. Песком времён засыпаны ступени.

В центре на холме зловещий чёрный замок
демоном глубин в спрессованном эфире
высечен. Тяжёл не дрогнет воздух в залах,
вязкий и тягучий, спёртый, как в могиле.

Гость, едва дыша, идёт по коридорам
вытянув щепоть с письмом от Минотавра:
«Жду тебя, дружок. За долгим разговором
ты из моего сомнительного дара

выберешь себе и службу мне сослужишь.
Не ищи, приятель, повод для отказа.
Если не придёшь, то будет только хуже.
В тёмные врата стучи четыре раза».

Жуткий лабиринт неверным шагом меря
жалкий посетитель, сторбившись, крадётся
в свете факелов, приоткрывая двери.
Щупает язык бугры иссохших дёсен.

Кажется вон там... Почудилось. Направо,
вверх, налево, вниз, по узкой галерее,
здесь за поворот, а может быть, и прямо,
будет ли конец у этой одиссеи...

Хрустнув под ногой останки многих прежних,
что не доползли, в руке письмо сжимая,
прячут под собой истлевшие надежды.
В цепкой паутине муха неживая.

Миф о Мухе

Ох, крутые табаки
старики курили.
Вечерами у реки
внукам говорили:

«Было время, на земле
жили только мухи.
В городах и на селе
потирали руки:

«Нам достался целый мир,
а не половина.
Превратим его в сортир,
станет жизнь – малина».

Но была среди них одна
мудрая старуха,
для полёта не годна,
с виду – развалюха.

Им она сказала: «Эк,
дурят вас фантазмы!
Нужен некий человек,
и тогда миазмы

перельются через край,
потекут по склонам,
и наступит сразу рай
радостно-зловонный».

С головы до самых пят,
применив науки,
человека для себя
смастерили мухи.

Миф о Внутреннем Дожде

Будь предельно серьёзен. Коллекционируй морщины.
Конвертируй улыбку трагичную в ломаный грош.
И вползёт к тебе в ноздри неспешно из сонной лощины
тонкой струйкой, змеёй придыхающей Внутренний
Дождь.

На играющих весело грустно смотри с укоризной
в заунывный, стеклянный зрачок оперев, сериал,
как предтеча Пандоры с бездонной резиновой клизмой,
открывая чистилища в детском саду филиал.

Только Внутренний Дождь панацея, награда и мера.
Контролируя с ярусов верхних вселенский надсад,
хищно выпятив нижние челюсти злые химеры
криво улыбаясь, в притихшую даль исподлобья глядят.

Повторяя дурную привычку Шалтая-Болтая,
что у них повелитель, наставник, образчик и вождь,
иногда кувыркаются ниц и стремительно тают.
И грызёт их холодными каплями Внутренний Дождь.

Прокурор арестантам гнусавит из метеосводки,
безотрадную сырость и скуку влагая в слова,
им, одетым с рожденья в казённые мокрые шмотки,

осуждённым червями чернеющий рыть котлован.

Босоногие нимфы танцуют в цветочной ограде.
Через рощу бежит безмятежно звенящий ручей.
Лёгкий ветер гуляет в иссопе, тимьяне и мяте.
Разливаются запахи в амфоры тёмных ночей.

Пусть чернильные тучи, нахмурившись на горизонте,
собирают воинственно грозную новую рать.
Урезоньте их, вынув проверенный Внутренний Зонтик,
и солому, где можно упасть, не забудьте настлать.

Миф о Клоуне

В воскресение на ярмарочной площади
ржали даже лошади.

Приехали фигляры и паяцы.

Зевакам пришлось вдоволь посмеяться.

Где сейчас лужа, стоял их шатёр.

Там тебе и бородатая женщина, и силач, и жонглёр.

А здесь мужик продавал свинью,
потом оказалось – чужую, не свою.

А на месте вон той тощей кошки
какой-то клоун играл на гармошке
одно и то же всё время заново,
да так, что пробирало до этого самого.

Сам сочинил, сам исполнил, сам, слушая,
глядел в толпу, которая кушала.

Углубившись в пищеварительные процессы
жевали сапожники, жрали принцессы.

Да и как не полакомиться, когда леденцы
на палочке и бублики продают юнцы,
пахнут горячие пирожки у баб,
предлагает кофе и шаурму арап.

Солнце крадётся за облаками.
Клоун смеётся, блестя клыками.
Растягивает меха своей гармонии,
извлекая захватывающие гармонии.

Пляшут купчихи с солдатами, чавкая,
на задних лапах собаки тявкая,
скачет Джонс, прыгает Доу.
Всё быстрее играет клоун...

Миф о Тёплых Краях

Есть места, где количество солнечных дней
превышает четыреста с лишним гиней,
 черепахи без панциря ходят,
от жары задыхается котик морской,

худощавые сосны потеют смолой,
чайки рубят с плеча над кипящей волной
заводную летучую рыбу.
С полотенцем забравшись на дыбу с утра,

кверху пузом лежит мошкара-детвора.
За одной кожей вслед ещё кожа
с апельсинов тряпьём облезает.
Точной копией солнечный заяц бежит

из ярчайшего шёлка горячего шит.
Показался. Исчез. Подожди, не спеши.
Ускакал или сжался в комочек.
Как ленив неразборчивый почерк орла,

лёт из тигеля сплав на границе крыла,
загорается луч за стрелю – стрела,
воск и золото – вниз на страницы.
Жёлтый мёд с молоком бледнолицых смешав,

шоколад, чёрный кофе, янтарь, крепкий чай,
с тёмной корочкой нежное мясо зажарь
и добавь обязательно перца.
Безнаказанно может раздеться медведь,

снять тяжёлую шубу и не помереть
от простуды, а наоборот бронзоветь,
оставляя ненужное сало
на полу растекаться вокзала.

Миф о Нирване

Через пустыни и моря
за шкирку донор упыря,
как куль, несёт рукой корявой
на остров сладостной халявы.

Неумолимый сжат кулак.
А впереди архипелаг.
Там безмятежные тюлени
облюбовали остров лени.

Лежат под небом острова.
Забита смертными страна
дремотной неги до отказа.
Дворцы, отели, лавки-плаза.

Влетает музыка в окно.
И всё, конечно, включено:
котлетка с соусом на донце,
улыбка, либидо и солнце.

«Достали шум и теснота! —
ворчат былинники, – Не та,
что прежде, чистая нирвана.
Вода горячая из крана.

Дурацкий кондиционер.
Wi-fi назойливый. О, нет!»
«О, да!» – воскликнул хрипло донор,
возвысив праведности гонор,

и кинул, словно снегиря,
в людскую кашу упыря,
где полуголые болваны
толкались в поисках нирваны.

Миф о Никуданепускателе

Бывает, вам надо куда-то идти.
К примеру, заждался приятель.
И тут возникает на вашем пути
шутник Никуданепускатель.

Выходите. Дверью размахисто – хлоп!
Ногой задеваете ящик.
Бетонную плоскость холодную об
ломаете мускульный хрящик.

А может случиться, пожалуй, и так.
У ЗАГСа томится невеста.
А вы не находите брючный пиджак,
хотя его клали на место.

А может – у князя к вам важный вопрос.
Посыльный примчался кометой.
А вас донимает, простите, понос.
Вы узник, пардон, туалета.

Представьте, что вы потеряли ключи,
толчётесь по комнатам в шоке,
стараясь припомнить, кто вас научил
поставить на окна решётки.

И каждый, конечно, хоть раз попадал
в трясину, тупик или пробку.
Нет хода когда ни туда, ни сюда,
шуметь и ругаться что проку.

Сиди и не рыпайся (как вариант —
не дёргайся лёжа в кровати),
покуда с тобой непреклонный педант
шутник Никуданепускатель.

Миф о Грехопадении

Грехопадение знакомо с детских лет.
Ловя на грудь воздушные потоки,
покорно приближаются к земле
за предками послушные потомки.

Известно, что все падают с одной
и той же целью, скоростью, гримасой.
Я вон за теми. Эти вот за мной
планируют синхронно плотной массой.

А некоторые вдоль и поперёк
снуют, как моль, другим мешая падать.
А есть ещё, которые вперёд
пытаются зачем-то как бы плавать.

Хотя давно известно – только вниз
ведёт дорога, как не трепыхайся.
В конце её сквозь землю провались,
святоша, маркитант, мудрец и кайзер.

Бывалоча, зависнешь как орех,
обозреваешь Малые Вязёмы.
И вдруг порыв, болтанка, страшный грех
и рыхлая поверхность чернозёма

встречается с испуганным лицом.
Испачканы штаны, очки и шляпа.
Сломалось обручальное кольцо.
Детишки плачут: «Папа, папа, папа!»

А папа, еле сдерживая смех,
выглядывает, как летят другие,
ушибленный поглаживая грех
и сплюсненную голову на вые.

Миф об Эскулапе

Александр Песцов, по профессии царь,
посмотрел свысока и увидел январь.

«Где фигурные лыжники? – твёрдо
он спросил подхалима милорда.

– Почему я хватаюсь за вилки,
а за ложки и ножики не,
и чешу себя в левом затылке?
Позовите же доктора мне!»

Тот приходит дородный и грузный,
улыбаясь, но всё-таки грустный,
достаёт с инструментами страшными ларь.
«Что такое?!» – испуганно пятится царь.

Тут вбегают на сцену, как волки,
хищно щерясь, почти хохоча,
в одинаковых белых футболках
сто семнадцать подручных врача.

Александр Песцов, по профессии царь,
залезает, крича, на придворный фонарь.
Но взлетают стремглав по стремянке
три ужасных сестры Несмеянки

и снимают монарха щипцами,
раздевают и вяжут его.
А медбратья ощерившись псами
на верстак возлагают. Ибо

Эскулапу подвластны все твари,
даже атомы соуса карри,
даже морж, спирохета, бибирь и овца,
волколак, супермен и тем более царь.

Миф о Фэншуге

Если по хате расставить правильно,
в соответствии с векторами магнитного поля,
мебель, чтобы было с утра видно
сквозь щели глаз плывущее кролем

в глубине потолка голубого светило,
то в границах этого сектора
не по сценарию Тарантино
про какого-нибудь вивисектора

будут впредь развиваться события,
не по сценарию Куросавы
(членовредительство и мордобитие,
бешеный поезд, каратэ и самбо),

а как раз совсем напротив,
на манер, например, Данелии.
Аккуратно положив на противень
воблу, пойманную в Карелии,

отправьте в шкаф духовой, расположенный
прозрачной дверцей точно к востоку.
Не должно быть ничего порожнего —
этот закон соблюдайте строго.

Проверьте каждый элемент декора.
Никаких васильков и бантиков!
А вот портрет Навуходоносора
повесьте. Ах, какая романтика!

Теперь, не стесняясь, любого дизайнера
вы на ужин позвать могли бы,
и глядя, как у него от восторга замерло...
Кажется, у вас сгорела рыба.

21

Вот все мифы, которые надо знать
выпускнику полусредней школы.
От начала самых, что ни на есть, времён
они беспрестанно помогали людям

охотиться, воевать, прыгать через козла,
ходить на двух, строить Сколково.
Как надо выжимать лимон —
забыл про миф. Ну ладно, не будем...

Хотя почему, с какой стати?
Разрезаете лимон на две части,
закрыв глаза, дабы не брызнуло соком,
разъедающим зрительные пиксели.

Поднимаете веки – вы в кровати.
Немедленно с кровати слазьте.
Хотя можете ещё полежать боком,
пока мысли голоса не повысили:

«Что это? Где я? Куда делся лимон?
Я, что, спал? Или мне мерещится?
Почему на стене Навуходносор?
Хрень какая-то!»

Встаёте. Идёте на кухню. Берёте лимон.
Разрезаете на части. Плещется
вытекшая из акустической системы пор
музыка Гайдна.

Поднимаете веки и так далее.
Этот миф наиболее страшен,
если заметите, что сандалии
на ваших ногах не ваши.

Родина Человека
Святая Тэла
от века
опустела

того, когда
три сестры и брата
ушли. Года
текли безвозвратно

миллионами рек
в океан Хроно.
Дева и Человек
давно у трона

Творца Иллюзий.
Их песня спета.
А где все люди?
Разошлись по свету.

Забывтый рай
беспечного детства
народов – пай,
доля, наследство.

А кто наследник?

Никто, кажись.

От высоких к средним
частотам жизнь

съезжает.

Оглушают низких частот
жалюзи
с недоступных высот.

Тебя там встретят сквадер и грифон,
огопого, хаггис и моа,
конгамато и крылатый конь.
В дружеских объятиях боа

добычу долгожданную сожмёт.
Радостный поднимут шум и визг
манतिकоры. Выглянет из-под
разнотравья добрый василиск.

И приподнявший занавес лиан
улыбнётся медленно фенрир.
Из ручья мигнёт левиафан.
На опушку выйдет мойдодыр.

В пределах Тэлы лето круглый год,
пенье птиц, лиса и виноград.
Крупный и довольно мелкий скот
изобилен, тучен и рогат.

Хрустят грибами в чаще зелюки.
Дремлет сирина. Дремлет алконост.
И в ассортименте бабочки.
Есть ли осы? Нет слепней и ос.

Нет пашен и проторенных путей,
хижин, частоколов и оград
и, что удивительно, людей.
Лишь зверье, леса и виноград.

Ну, разве может долго быть пустым
это место? Нет, не может быть!
Первозданный образ красоты
просто невозможно сохранить.

Предводитель племён Афарских
собирает князей в поход,
превосходный Негер по-царски
возвышаясь поверх пехот.

Предводитель племён Азийских
созывает батыров рать.
Грозный Монго родным и близким
объявляет – пришла пора.

Предводитель племён Эрманских
поднимает дружину в путь,
непреклонный Атул не наспех,
не куда и не как-нибудь.

С каждым вздохом всё ближе к цели,
вздорных вспугивая ворон,
приближаются толпы к Тэле,
как цунами со всех сторон.

Топот ног, голосов невнятный
ровный гул, резкий храп коней
по притихшей земле помятой
приближаются быстро к ней.

Пот засох на суровых лицах.
Жадно кожа впитала пыль.
А дорога всё длится, длится,
длится сотнями долгих миль.

Невозможно остановиться.
Раз шагнул, не буксуй, иди.
Громко грают гортанно птицы.
Молча смотрят вперёд вожди.

Три вождя. Три шатра. Три стана.
Девять тысяч больших костров.
У обозов быков, баранов
за три года не счесть голов.

На земле, кто как был, вповалку
безмятежные спят бойцы.
Часовые стоят по валу,
рассылая во все концы

равнодушные взгляды. Где-то
вдалеке раздаётся гром.
Не спеша авангард рассвета
появляется за бугром.

На огонь возлагают жертвы
и возносят хвалы жрецы.
Разлетаются рикошетом
капли солнца в лучах росы.

Звуки труб созывают мудрых
к атаманам держать совет.
Скоро день на вопросы утра
окончательный даст ответ.

Ожидание плохо скрыто
под рутиной простых утех.
Что-то шепчут коням джигиты.
Кое-где раздаётся смех.

Кто умеет – речёт былины.
Кто-то греет мышцу борьбой.
Кто-то лепит солдат из глины,
предваряя игрою бой.

С тяжким бременем царской воли
отделившись от лагерей
три посольства выходят в поле,
птиц пугая и юрких змей.

Сжали бабочки крылья. В нору
полевая забила мыш.
Аргументы в процессе спора
излагают послы. Престиж

ослепительной тыквой реет
над макушками. Льётся спесь
горлом, сердце гордыней грея.
Возвращаясь, приносят весть

о грядущей жестокой битве
дипломаты вождям своим.
Возникает проблема: быть ли,
или вряд ли на завтра им,

разделившись уже по группам
на живых и ещё на тех,
кто кровавым холодным трупом
у гиен вызывая смех,

ляжет в гуще страстей. Но рано,
да и глупо гадать итог.
Звуком резким, протяжным кланы
собирает на сечу рог.

Строй за строем встают мужчины.
Копья в небо и лук в дугу.
Богатырь выступает чинно,
улыбаясь в лицо врагу.

Хлѣстко клацнула в плоскость костную,
из-под локтя присвистнув, палица.
Челюсть набок. Под ноги конские
человечек пунцовый валится.

Чавкнул смачно в ошмѣтках печени
меч. Пичуга души отчалила.
В кучу чѣрную искалеченных
чело меченное отчаянием,

коченея, до плеч впечатано.
Стрелы точно в сочный ввинчены
шмат затылочный силача. Вином
кровь из чайника за ночь вытечет.

Оторвались у мишки лацканы,
напрочь выбиты глаз горошины,
и лежит он такой, обласканный
каменюкой, удачно брошенным.

Уха рядом лопух оторванный.
Лапа тоже висит на ниточках.
К почве намертво принайтовленный,
и свободный от сил избыточных,

и от грязи как будто плюшевый
остывает боец покоцанный.
А над ним возбуждённых юшкою,
с бородами, усами, косами

тьма голов. И ориентирами,
на холмах лохматым ветрам в струю,
вдохновенные барды с лирами,
не мигая, аккомпанируют.

Поглотила поле битвы,
полегла ночная мгла.
Серп луны, острее бритвы,
вдавлен в чёрный шоколад.

Из безрадостной, бездонной,
беспросветной вязкой тьмы
вверх бессвязно выются стоны.
Пот кровавый надо смыть

тем, кто выжил, лечь под небо
и, дыша, глядеть во тьму.
Мне бы, брат, водички треба
растворить мороки муть

в жилах, жгучую, усталых,
в гулком чане головы,
в перекошенных суставах.
Кони в поисках травы

между тел, качаясь, бродят.
Потихоньку, между тем,
призрак радости бесплотен
возникает в пустоте

тех сердец, что бьются, гибель
брани злой преодолев.
Тех, кто сквозь пробился гипер-
реализма алый зев

жизнь встречает поцелуем
у накрытого стола —
погуляем, потанцуем
и другими бла-бла-бла.

На табло, раздражая публику,
в назидание, трём участникам
лютой бойни горит по бублику.
А вверху – золотые часики.

Трёхсторонней вердикт комиссии:
«Всем солдатам раздать по рублику.
И чтоб впредь прекратить коллизии,
основать здесь ничью республику.

В новорожденной коалиции
предоставить всем доли равные.
Ополченцам и мелким рыцарям
в дар – с убитых доспехи рваные.

И нарезать землицы каждому,
кто домой возвращаться ленится
(может быть, образуют граждане
справедливейшей власти лестницу).

Во главе – три вождя арбитрами
и гарантами справедливости
при поддержке батыров с битами,
с куртизанками для красоты.

Флору с фауной раньше дикие
окультурить наук при помощи,
что бы стали покорно-тихие,
что бы жить не мешали, сволочи.

А на месте резни высокое
Человеку поставить чучело.
Пусть потомков, гонимых соками
жизни, память о прошлом мучает».

В столице Тэлы Аквилоне,
где трёхголовый зверь на троне,
народов ставленник – Совет,
в течение долгих зим и лет

оставив праздность, на досуге
творца бессмысленные слуги
настырно башню до небес
мастырят. Чудо из чудес

растёт на площади центральной
под непрерывный шум оральный.
Киша строители всерьёз
возводят форменный курьёз.

Он над соломой жалких кровель
нелеп, массивен и огромен
огульным фаллосом стоит.
А муравьишки – кустари,

кирпич таранят обожжённый
наверх, пока внизу их жёны
из глины лепят кирпичи
и в жарком пламени печи,

чихая сажей, обжигают.
Кричат ослы. Собаки лают.
Подняв седой башки ушат,
вальяжно, плавно, не спеша

подходит к башне архитектор.
С ним два помощника и те, кто
ревниво ловят встав кругом
все замечания его.

Один кирпич в той башне был
шершавый, межэтажный.
Никто нигде его слепил
ничем, и это важно.

Он из таинственных возник
астральных перепонок.
Его строителям старик,
а может, и ребёнок

в ладонях сомкнутых принёс,
и в сомкнутую кладку
он сам собою тихо врос,
как в строчку опечатка.

Он в основании сидел
кощунственной постройки
и в нутрь тёмную глядел
себя с прищуром строгим.

Молчишь – молчи! Трещишь – трещи!
И треснул он однажды.
В пыль обратился. Кирпичи
другие, тушку башни

ломая, дрогнули. И вниз
на головы прохожих
обломки стаяй понеслись.
Пронзён внезапной дрожью,

завыл в смятенье Аквилон,
плач хором небу бросив.
О, сколько хижин повело
и супу пролилося!

Разбит с похлёбкою горшок.
Харчи текут по стенам.
Хозяйка рвёт волосьев клок,
закатывая сцену.

Творец у глупых обезьян
за наглую попытку
контент из памяти изъял,
касающийся быта.

Точнее, сведенья о том,
как приготовить блюда,
чтобы не вышел суп с котом.
Из-за такого чуда

мужик голодный зло плюёт
в зловонную похлёбку,
и отказавшись от неё
дерзит, хватая плётку.

А дети плачут и пищат
и пищу есть не хотят.
И в их глазах тоска-печаль.
Не спят хозяйки ночью,

пытаясь вспомнить о хлебах,
бульонах, запеканках,
пюре, ворочаясь впотьмах
на каменных лежанках.

И вот одна из них встаёт,
космата, неумыта,
и детям завтракать несёт
тушёные копыта.

Слабых смертных прощает Он,
хотя бывает лукав.

В измученный голодом Аквилон
с Поваренной Книгой в руках

входит путник. Сияет лик.

Епанча на плечах.

То ли отрок. То ли старик.

Город почти зачах.

Но по кварталам благая весть
кочует из уст в уста:

Снова, не морщась можно есть!

Ныне конец поста!

Тот, кто всех кулинарных тайн
глубины умом постиг,

сегодня явился пешком сюда

с Поваренной Книгой Книг.

Дразнит запахом нос кебаб.

Сытный томится плов.

Счастливые лица детей и баб,

довольные – мужиков.

Самый харру, что ни на есть,
вновь наступает end.

Снова может, не морщась, есть
свой оливье клиент.

Ветер нам шелестит о том,
о том нам шумит река,
кто в город голодный пришёл пешком
с Поваренной Книгой в руках.

Как-то во вторник во время обеда,
пока граждане кушали всласть,
Пермунгункул, второй сын Брэда,
коварно хихикая захватил власть.

Книга спрятана. Совет распущен.
Заняты почта и телеграф.
Над Аквилоном сгустились тучи
диктатуры и попрания прав.

Жестоко подавлены очаги сопротивления.
Введён круглосуточный комендантский час.
На всех остановках висят объявления:
«Кто не с нами, тот против нас».

Очнувшись от послеобеденной дрёмы,
зевая, граждане протёрли глаза
замутнённые снами: «Действительно, кто мы?
Что есть против и что есть за?»

Пермунгункул задумчиво хмыкнул
и задумался: «Вот вопрос!»
Под кроватью тирана рыкнул
и зачесался любимый пёс.

Вот и ответ: тех, кто думает много,
искать и, нашедши, давить как блох.
«Прерогатива власти вопросы строго
задавать» – сын Брэда сурово рёк.

Взяли умников скопом в среду
и увезли куда-то вдаль.
По слухам, поближе к тому свету,
за недостижимую горизонталь.

«Чтобы мысли мозг не грызли,
мразь не портила страну,
чтобы граждане не кисли,
мы придумаем войну».

Так решили два визиря
Пермунгункула, и вот,
зло вперёд глазами зыря,
люди тронулись в поход.

По долинам и по взгорьям
войско прёт в далёкий путь.
Подерёмся и повздорим
с кем-нибудь и как-нибудь.

Поле ровное цыкуты,
и река без берегов.
У реки трухлявый хутор.
Завоюем же его!

Подготовились к сраженью,
встали в ровные ряды.
А навстречу ворожея
им выходит из воды.

Пальцем тонким покрутила
у красивого виска:
«Ну-ка вон пошли, мутилы!»
Чуют хлопцы – смерть близка.

И для скорости сандали
с онемевших скинув пят,
подвывая, убежали
душегубцы дружно вспять.

Стремглав они скрылись из виду.
Красавица в водах исчезла,
нырнула в игривую выдру,
а та в тот же миг унесла

в холодные сумерки, в омут,
в пещере сакрального чрева
белеющий камушек оникс.
Он, кстати, сердца согревал

того многосердого карпа
по имени Псевдоевгений,
хранителя твёрдого кофра
с количеством круглых гиней,

с лихвой превышающим десять,
в квадрате Малевича чёрном,
откуда летит за пределы
белеющий камень орлом,

в прожилках затейливых перьев,
несущим не-сущего знаки,
те, что не использовал Пырьев
и Коля Крючков, мастаки

шагать с камарадами в ногу
под чёс комариных укусов,
арканя упругую Ньюру,
водя по кратчайшей курсор

великого чёрного камня,
сплочённого гибкой стремниной,
события пробные помня,
прожилки пружины иной.

Пёстрой лентой войска возвратились домой.
«Как вы смели, несчастные, взад
без трофеев вернуться?», сказал головой
оглядев, Пермунгункул, солдат.

«Да пошёл ты!», ответил какой-то старик.
«Неча нам с зиккурата пенять!»
И поднялся такой ужасающий крик,
что ни слова нельзя разобрать.

Зря тиран предъявлял золотую печать,
обещал дать зарплату в четверг.
Непреклонный народ, продолжая кричать,
Пермунгункула знатного сверг.

Два визиря тогда улыгнулись хитро,
и, пока Аквилон ликовал,
Ботифона-юнца посадили на трон,
чей тотем карезубый кабан.

На ветру развиваются флаги везде
с некрасивым лицом кабана.
Непрерывно хиреет в порочной узде
нежелательной власти страна.

Закрома опустели, налоги растут,
цены взвинчены, близок дефолт.
А визири какую-то ересь несут,
и кивает малец Ботифон

про какой-то неведомый доблестный труд
за «спасибо» с утра дотемна.
Развиваются флаги пестро на ветру
с некрасивым лицом кабана.

Гипотенуза разрухи.
Квадратные катеты стычек.
Царапают стёкла старухи
ногтями визжащих отмычек.

Прямые углы эпидемий.
Катангенс жестокого стресса.
Венчальным пунктиром на темя
летят маслянистые бесы.

Гнетущий диаметр смерти.
Тетраксис разгульных погромов.
Объятые пламенем черти
застенки крушат ипподромов.

Взметают окружности воплей
октаэдр прежнего мира,
размазав истошные сопли
по месту недавнего пира.

Волтузит Эвклид Пифагора
косой параллельной прямою.
В оскале предсмертного ора
лицо Пифагора кривое.

Все грани народного гнева
стекаются в жирную точку.
Туда же откуда-то слева
влетает, как птичка заточка.

На фоне ночного пожара
мелькают тенями фигуры
с колами, камнями, ножами
по телу забитой культуры.

Взошёл на трон Хефус любимец плебса,
глава бунтовщиков, плечистый воин,
что девой найден был на поле рапса
и ею же откормлен и напоен.

Прозваньё Биодизель Достославный
он заслужил за всякие деянья,
за драки, похвальбу, за своенравный
характер без налёта покаянья.

Былую слабосильную элиту
из почвы Аквилона вырвал с корнем.
Иные, как положено, убиты.
Иные за границу мыкать горе

отправились подальше от террора.
Наместники Хефуса дивно круты.
Опасная прожорливая свора.
Чернильные заманчивые спруты.

Быкует грубый босс в апофеозе
впритирку окуляром наезжая.
А пахари стоят в неравной позе
на ниве непростого урожая.

На всякого трудягу есть по десять
смотрящих исподлобья за порядком.
Блатует распустившаяся плесень,
бродя во всеоружии по грядкам.

А если, мля, не выполнена норма,
и если, мля, товар тобой не сдаден,
то, выпростав сухой язык из горла,
пойдёшь висеть на реях перекладин.

Шёл по улице отряд —
триста гопников подряд.
А навстречу шёл монах —
иероглиф на штанах.

История Бесподобного Мо

Ох, давно, в былую пору,
двести с лишним лет назад
он один ушёл на гору,
а ведь был весьма богат.

На ухоженных равнинах
ели рапс его стада.
Пели нежно херувимы.
Шелестела борода.

Много жён, рабов и злата
в доме было у него.
Быть здоровым и богатым
это, братцы, о-го-го!

Всё в порядке. В неге тело.
Добрый ангел за плечом.

Но всегда ему хотелось
«и чего-нибудь ещё».

Что другим души отрада
и услада для очей...
А ему чего-то надо
непонятного. Зачем?

Вот он в горы и убёг.
Острой щепкою намёк
больно голову свербил
изо всех оккультных сил.

***

А в горах открываются виды.
Повсеместные кедры растут.
Забываются боль и обиды
только тут, только тут, только тут.

А в горах не шныряют проныры.
Не играет над ухом гобой.
Только звёзды и чёрные дыры
над тобой, над тобой, над тобой.

А в горах дефицит кислорода
и пригодных для жизни пространств.
И течёт в океан небосвода
дым костра, дым костра, дым костра.

А в горах вероятность большая
всесторонний подъём испытать,
и вокруг, никому не мешая,
полетать, полетать, полетать.

А в горах-колыбелях истоки,
и отсюда сквозь тысячи стран
H₂O попадает в итоге
в океан, в океан, в океан.

А в горах, как ни глянь, панорамы.
Там, за кончиком носа лица
исполинские снежные храмы
созерцай, созерцай, созерцай.

А в горах всё вам нужное рядом:
лунный холод и солнечный свет.
И знакомое что-то от взгляда
ускользает-ользает-зает...

***

Вот в таких непригодных условиях
оказался баловень смутной судьбы.
Свёл покрытые инеем брови: «Эх,
не скопытиться бы.

Для начала шалашик построить бы надо
возле этой пещеры вот,
в которой укроюсь от камнепада

и прочих невзгод.

Знал бы Крейцнер, он же товарищ Крузо,
какова жизнь над уровнем моря,
соскользнул бы медузой в лузу
паники, страха, тоски и горя.

Здесь, конечно, тоже есть козы,
но поди на склонах шербатов поймай их.
Вон они нюхают воздух,
круторогие, как трамваи.

Каждый дурак может сидеть под пальмами,
пить ром, есть кокосы
с попугаем в компании
перьеволосым».

Такие мысли не могли роиться
в голове героического ушедца,
потому, что Робинзон ещё не родился.
На высотах некуда деться

от себя. Только ты и шалашик,
и простор, утыканный шпилями,
и орлы приветственно машут
тебе специальными крыльями.

***

Посиди и подумай,

а когда надумаешь,
можешь спуститься
с гор на ружу

иного трюма,
на манеж
зрителям лица
париком рыжим

осветить.
А пока попрей-ка,
мыслям назойливым
ставя блоки.

Не финтить!
Ты ж не канарейка.
Подотри сопли.
Возьми себя в руки.

Неудобно
сидеть на скалах?
Замерзает
пятая точка?

Твой автобус
придёт не скоро.
Что мерцает?
Не электричка.

Так что ждать не имеет смысла,
как и вдаль шкандыбать по шпалам.
Посиди, вспоминая риса
вкус, ставший твоим кошмаром.

***

Металась в суетах икра
теряясь в различиях тел.
Внизу проходила игра.
Но он за игрой не смотрел.

С высоких нагорных трибун
аскет не судил, не болел,
подобно большому грибу
широкою шляпой белел.

Две сотни прошло уже лет,
как зимний урезанный день,
мелькнули лучом в хрустале.
Когда ты никто и нигде —

от времени освобождён,
живёшь под присмотром светил.
С полуторным посохом он
по кручам бесстрашно ходил.

Тропа вдоль скалы, а с торца
не стёрта потоком годин:
«Здесь был Человек, сын Творца

(порядковый номер один)»

– красивая надпись. Стоял
аскет, протирая глаза.

В синице зенита сиял
орёл, как в ресницах слеза.

Со скал, никуда не спеша,
отшельник немедленно слез.
Спокоен, лишён багажа,
спустился на землю с небес.

Шёл по городу отряд —
триста гопников подряд.
А навстречу шёл монах —
иероглиф на штанах.

Был монах сосредоточен,
собран, занят сам собой.
И ребята тоже очень
торопились на разбой.

Площадь. Рынок. Дети. Лужа.
Овцы. Бабы. Чумаки.
Над корытом бычью тушу
держат ржавые крюки.

Зной. Арбузы. Тыква. Груша.
Столб. Оливки. Виноград.
Соль. Солома. Ножки Буша.
Пастила и мармелад.

Влез аскет на гору репы,
и с неё, что было сил,
убеждённо и нелепо
много истин огласил.

Все сначала обомлели,
но встряхнувшись, гогоча,
сбились плотно на панели
и давай его качать.

Он летает вверх и вниз.
Знать, удался бенефис.
То и дело всем видны
с иероглифом штаны.

В тот же вечер Хефусу
донесли о волхве.
О речах. Об искусном
его волшебстве.

О нечаянной репе,
которую он,
вызвав давку и трепет,
превратил в самогон.

О возможности смуты.
О народной молве.
О штанах и о смуглой
небольшой голове.

Про овец и про грушу,
а также про то,
как он бычью тушу
превратил в решето.

А Хефус целит рылом:
«Ну, чё за ботва!
Где там эта бацилла?
Тащите волхва!»

Пред очами дебила
несчастный стоит.
О таинственных силах
в слух ему говорит.

О наградах и карах.
О далёких краях.
И подкожные чары
ползут в короля.

Космогоническая Теория Бесподобного Мо

По невидимой наковальне бьёт невидимый молот.

Вселенная – раскалённый кус металла.

30% жажда, 30% голод,

40% отличное курдючное сало —

таков состав этого сплава,

частями которого являемся мы.

Меха слева. Уголья справа.

Впереди область света. Сзади – тьмы.

В конце времён Великий Кукиш

будет выкован. Падут вериги.

Давайте все поднимем руки ж

с пальцами, сложенными в фиги,

в знак того, что форму целого,

мы, повторяющие, крохотули,

в час, когда расцветёт люцерна,

станем подобны заглавной дуле.

Четыре пальца – материалы,

лежащие в основе любой материи:

сахар, соль, курдючное сало

и четвёртый, пока утерянный.

Пятый палец есть символ силы.

Пятый палец есть символ власти.

Пятый палец есть символ сливы.

Пятый палец есть символ ластика,

который сотрёт различий пути
в конце времён, когда круг завершён.

И все скажут: «Фу-ты ну-ты,
как же теперь хорошо!»

Охмурил виртуоз дилетанта,
увы!
Вязнет в дебрях словес доминанта
братвы.

Стопудовая знать, а за нею
народ
бородёнками в такт ахинее
трясёт.

В демагоге сам Хефус не чаёт
души,
сколь угодно взамен получая
лапши.

Уникальный набор полномочий
у Мо.
Он властями обласканный зодчий
умов.

Он предвидит и помнит, и клал он на
власть.
Мёртвой хваткой рука его в сало
впилась.

Сильных мира мохнатая жменя
легко
держит горло раба с позволенья
его.

Он как парус над нами штанами
раздут.
А вокруг зиккураты грибами
растут.

До сих пор археологи, лопаты
и щёточки используя для обнаружения
артефактов, находят созданные когда-то
таинственные сооружения

в форме фиги,
обычно на возвышениях.

Если внимательно читать древние книги,
то между новеллами о сражениях,

королях, шутах, прекрасных дамах,
походах, отходах, свершениях,
Хирамах, не Хирамах,
несметных богатствах, тяжких лишениях,

гуннах, норманнах, обманах
доверчивых, разрушениях,
попойках, любовных романах,
стойкости, искушениях,

наядах, нарядах, веригах,
нет ни одного упоминания
о загадочных фигах.

Безвозвратно утеряно знание

некоторых предметов.

Свидетельства

противников и апологетов

отсутствуют. Налицо вредительство

или преступный сговор

или преступное упущение.

И мы скажем, возвысив гонор:

«Нет им прощения!»

Негромко беседея, жрец и правитель
гуляют в увядшем саду.
Вельможи и стража на дальней орбите.
Протравлена листьев латунь.

Сменяет каденцию времени кода.
За субдоминантой уход
к отчётливой реплике нового года.
«В трясине разврата народ

погряз. Воровство, нищета, предрассудки»,
Мо цедит сквозь краешек уст.
«Пылают станицы четвёртые сутки»,
задумчиво вторит Хефус.

«Слышны отовсюду проклятья и стоны.
Наместники злы и глупы».
Хефус почесал, не снимая короны
макушку мизинцем руки.

«Придворные сплошь подхалимы, тупицы,
бездарная алчная тварь».
«Четвёртые сутки пылают станицы»,
сказал утвердительно царь.

«Пора забивать добронравия сваи
в болото гниющих умов».

«Четвёртые сутки станицы пылают»,
ответил Хефус и умолк.

Правитель и жрец удалились из сада
чрезмерно увядшего вон,
решив обеспечить подвластному стаду
порядок, учёт и закон.

Кружит над овином вороний отряд,
гортанно отрывисто грая.

Глашатаи в долгие трубы трубя,
монарший указ возглашают:

«Отныне собирается Хефус Стратег,
Вскормлённый Небесным Нектаром,
Перунометающий Сверхчеловек,
Сын Солнца и Брат Ягуара,

Мудрейший из мудрых, Владыка владык,
Джедай, Не Смыкающий вежды,
Могучий Архонт, Чей Сияющий Лик
в сердцах зажигает надежды,

наш Непререкаемый Авторитет,
Вожак, Общепризнанный всеми,
Чей шёлковый путь лепестками побед
до крайних пределов усеян,

Дарованный подданным, как Образец,
Пример Несравненных Достоинств,
на происки зла Обнаживший резец
острейший бесчисленных воинств,

Решающий судьбы одной запятой,
врагов Повергающий в ужас,
Над сильным и слабым Простёрший ладонь,
Прощающий, Великодушный,

Бесспорный, Стремительный, Лучший, Прямой,
Крутой, Справедливейший, Главный,
Любимый, Родной, Снисходительный, Свой,
Сиятельный, Тайный и Явный...»

Кончается зимняя осень,
и вновь вылетает весна
из леса токоющим лосем
цветные кусты через на

открытую солнцу опушку.
Чирикают рыбы в пруду.
Старик вынимает старушку
из невода. В первом ряду

целуются пылкие пары
мешая глядеть на экран.
В палатах поют санитары.
Танцуют учёные РАН.

Прорвав околесицу гнёта,
рассвет лишь забрезжит едва,
из грязи, трухи и помёта
вверх произрастает трава.

Вылазит медведь из берлоги,
а следом медведя жена.
На длинные странные ноги
свои наступает жираф.

Кончаются голод и войны,
холера, чума и разброд,
и как-то само, произвольно
всё вроде на место встаёт.

Ленивый берётся за дело,
берётся за ум дуралей,
едва лишь забрезжит идея
в извилинах спящих людей.

В едином порыве всё общество Тэлы
всеобщее счастье, сплотившись, куёт,
чтоб правнуки внуков когда-нибудь смело
про прадедов дедов сказали: «У, ё!»

Жить стало намного теперь интересней.
Прошли времена, когда жались тайком.
Рабочий работу работает с песней,
а сеятель сеет посев «с огоньком».

С утра все колонной идут на зарядку.
Потом углеводонасыщенный ланч.
Затем разбредаются люди по грядкам
больших коммунально-взлелеянных ранч,

по крупным артелям, казармам, по стройкам
промежду собой соревнуясь в труде.
И каждый получит постольку, поскольку
своими руками наделает дел.

Питает колосья полезная влага.
Потеет дождями людская земля.
Приятно трудиться для общего блага,
не ради корысти и прихотей для.

А токмо заради единственной цели
в грядущее организуем заплыв,
чтоб в будущем граждане всё поимели,
беспечно жируя, заботы забыв.

Проложим дороги, пророем каналы,
пустыни осушим, моря оросим.
Печатными буквами впишет в анналы
история наши деянья засим.

Хорошо, очнувшись к пяти,
потянуться, встать и идти.
Сесть. Придвинуться. Взять и покушать.
Трогать, пробовать, нюхать и слушать.

А поев, облизнуться и встать.
Вновь идти и немного мечтать,
оступаясь и слабо толкаясь,
беспричинно слегка улыбаясь.

И придя постоять и начать.
Поворачивать. Крючить. Качать.
Не тяп-ляп, а умело и споро.
Торопиться не надо. Не скоро

нас отпустят отсюда домой.
Подожди. Поартачься. Постой.
Призадумайся и подыши.
И примерившись вдруг, соверши

так, как надо, умело, легко.
Выдохни и вдохни глубоко.
И не чаял наверно всерьёз,
что получится. Ан удалось!

Разбирая и снова мешая,
продолжай созидать, совершая
безупречно, хитро и умело,
углубившись в занятное смело.

Хорошо поработав, напиться
и, покушав, назад возвратиться.
Лечь. Зажмуриться и потянуться.
Улыбнуться. Уснуть и проснуться.

Пышно расцвёл Аквилон. На земле ему равных
нет городов. Не найти их и в солнечной Тэле.
Роскошью броской дворцов и количеством храмов
он превзошёл остальные в подлунном пределе.

Вырос, расширился – центром окраины стали.
Мощной стеной в восемнадцать локтей высотой
окружён он,
в коей двенадцать ворот из блистающей стали
с кованой вязью, а в ней хрусталя кабошоны.

Град пересечь скороходу и суток не хватит.
Полигональными плитами выложен улиц
ровный рисунок в тринадцатигранном окладе.
Днём этот город гудит, как встревоженный улей.

Ночью же эхо шагов за отрядами стражи,
в ниш непроглядную тьму заглянув, исчезает.
Центр агоры порфировой фигой украшен,
что привлекает к себе голубиные стаи.

Счастливы жители, пьющие воды Эзета,
к морю текущего между холмов Аквилона.
Дарит отраду прохлады средь знойного лета

чистой прозрачной реки животворное лоно.

Мрамор и золото, яшень и кость элѣфанта.
Сонмы павлинов, лениво гуляющих в куцах.
Франты, прекрасные дамы и негоцианты,
сотни сановных и всадников сотни могучих.

Лавр и миндаль над палитрой искусных мозаик.
Плавно из медных курильниц ползут фимиамы,
смол ароматом призывные ноздри лобзя,
головы смертных кружа ароматом бальзама.

Дочь Туфа, владыки Алкесты,
лежащей от Тэлы вон в той,
нет в той стороне, всем известна
физической красотой.

Младая принцесса Емена
прекрасна, как ты ни крути.
В густых волосах до колена
алмазные бигуди.

Ясны симметричные очи
над парой румяных ланит.
В изящнейшей розовой мочке
серьга рубином горит.

Певуч голосок, как у птички.
На маленьких ножках княжны
невиданные черевички
сапфирами снабжены.

Способны лишь острые перья
Гомера и Корнейчука
её описать в полной мере.
Бессчетные жемчуга

на пурпуре, с шейки лебяжьей
сбегая, неслышно шуршат.
Увидишь её если, даже
забудешь тут же дышать.

Случится инфаркт миокарда
от этого может с тобой.
Иль ты потеряешь кокарду,
совместную с головой.

По гребням горячим барханов,
нарушив покой абсолюта,
идёт человек с барабаном.
За ним вереница верблюдов.

Бескрайнее пекло тараня
упрямыми потными лбами,
размеренно слуги тирана
качаются вместе с горбами.

Манящих оазисов мимо,
видений обманчивых мимо,
процессия с грузом калыма
упорно и неотвратимо

в зачётное движется место.
Уложены плотно в тугие
тюки для владыки Алкесты
Хефуса дары дорогие.

Считая, когда барабана
удар перепонками хряснет,
плывут во главе каравана
послы со словами приязни.

Колючек обглоданных мимо,
и замерших ящериц мимо,
процессия с грузом калыма
упорно и неотвратимо

к столице Алкесты стремится.
А там искушённая в танцах
девица в светлице томится,
мечтая скорей сочтаться.

Туф не отпирался. Знает он —
всё с Биодизелем не ссорься.
Прибыла принцесса в Аквилон
с пёстрым многочисленным посольством.

Барышни платки швыряют вверх.
Оземь тюрбаны кидают гуру.
Свадьбы день назначен на четверг.
А потом четырнадцать отгулов

и по бочке мёда на лицо
каждому из радостных сограждан
обещает, выйдя на крыльцо
царского дворца, глашатай. Дважды

кланяется гостье до земли
евнух и указывает немо
путь в её покои. Конопля,
что скрывает здание гарема,

тихо сотрясаются кусты.
Шорох, шёпот, зависть, любопытство.
Чьи-то мимолётные черты
там из тени в тень мелькают быстро.

Сочиняют яства повара.
Пишут панегирики поэты.
Глотки прочищают тенора.
Собирают девушки букеты.

Всюду толкотня и кутерьма,
смех и разговоры о невесте.
Убрана гирляндами тюрьма.
Клоуны шалят на лобном месте.

Два центиллиона восковых свечей
выжелтили залу в цвет бананий.
Гугол тонн предельно дорогих харчей
опыляют рыльца обоняний.

Серебром столовым слаженно звенит
радостная армия гурманов.
Молодые люди пьют Шато Лафит.
Хефус вынул руки из карманов:

«Вот моя невеста. Вот и я родной.
Тихо там! Плесни ещё, земля.
Выпьем за всё это! Ты чего, глухой?!»
Встали. Осушили. Зашумели.

Мусс из рачьих шеек. Соус нантюа.
Соль. Перепелиновые яйца...
У Пантагрюэля и Гаргантюа
щёки покрасневшие лоснятся.

Выпили. Поели. Начали плясать
бальные продуманные танцы.
Вот где проявилась женская краса
и доселе скрытые изъянцы.

А невеста просто Грация Харит
и глазунья в сахарной глазури.
Ручкой плавно водит, ножкой шевелит,
вызывая внутренние бури.

Тут Мо встал и громко слова попросил,
и заговорил про Наковальню.
А Хефус Емену тут же пригласил
бегло осмотреть опочивальню.

Определены вроде как
понятия «порнография» и «эротика».
Развращает общество мафия
разнузданной порнографией.

Край бедра, томный вздох, угол ротика —
безобиднейшая эротика.

А ну как пройти комсомольским рейдом
по Набоковым и всяким там Фрейдам,

по жёлтой прессе и рекламным роликам.
Скажи «нет» озабоченным кроликам!
Скажи «да» разномастным искусствам,
воспитывающим твои чувства!

А ещё есть, которые мозгами утлыми
шастают по тантрам с камасутрами.
Что ты, тряпка? Возьми себя в руки!
Осваивай технику, изучай науки

(алгебру, географию, физику, химию).
Нашёл порнографию? В помойку кинь её!
Закончи колледж. Начни карьеру.
Посмотри в окно. Погуляй по скверу.

Или спорту отдай предпочтение.
Или музыке. Или чтению.
Ободряй усталых. Покоряй Арктику.
Повторяй теорию. Отрабатывай практику.

Что там Хефус с Еменой делают,
сами догадаются половозрелые.
Хотя, отвлекшись от ямба и амфибрахия,
признаемся – это порнография.

Жадно муж кальян закурит
после сладостных объятий.
Громко кашляет и щурит
глаз Емена на кровати.

«Ты меня совсем не любишь,
говорит она Хефусу. —
Почему так брови супишь?
Неужели не по вкусу?»

Он, дыша клубами дыма
на Емену покосился.
И они неумоимо
снова начали возиться.

В целом год и две недели
молодые кувыркались
на раздолбанной постели.
В облаках кружился аист.

Как обычно, мир на грани:
тиф, интриги и кометы,
войны, бунты в глухомани.
Ну а им плевать на это.

Днём и ночью в счастье зыбком
молодые пребывали.
Уподобленные рыбкам,
друг над другом проплывали.

И кружил над ними аист.
И носили слуги кофе.
Пасса, странно улыбаясь,
в конопле довольный овен.

С домов срывает крыши ветер.
Волы, дрожа, режут во мрак.
Из всех щелей ножом фальцета
слух режет бешеный сквозняк.

Плащ ночи холоден и чёрен,
разодран молниями вдрызг.
Из уносимых ветром зёрен
доносится мышиный писк.

Вот кто-то вышел в бурю эту.
Его, вобравший сотни сил,
порыв безжалостного ветра
мышами вмиг изрешетил.

Кружатся, схваченные смерчем,
обломки, сор, живой и труп.
С ума сошедший человек
вприсядку пляшет на ветру.

Из вод исторгнутая щука
среди бекасов и дроздов
летит причудливой пичугой
по странной прихоти ветров.

Скрип, треск, лязг, визг, вой, плач и хохот
в оркестре хаоса звучат.
Щекочет ветер скомороха.
Бичует ветер палача.

Непроницаемый для звуков,
дворец Хефуса как скала.
В завидной роскоши и муках
Емена сына родила.

Маститый ребёнок по имени Друк
родился на радость родителям вдруг.
Такому большому телёнку
попона нужна, не пелёнка.

В полгода он весит сто двадцать кг
и делает стойку на левой ноге,
при этом тягая менгиры,
гантели и прочие гири.

А в год он плевком убивает вола
и крутит, в ручонке зажав удила,
коня, как бумажку на нитке.
Легко поглощает напитки,

от крепости коих упал бы колдырь.
Верховный царевича учит визирь
читать и писать по латыни
названия брюквы и дыни.

И прочих философов мысленный гуж
ему сообщает учёнейший муж
гуляя дорожками парка
когда в помещениях жарко.

Федон, Аристотель, Платон и Сократ —
фамилии эти стократно звучат.
Дитя педагогу внимает,
дубы машинально ломая.

А к двум, словно час, пролетевшим годам
малыш реагирует очень на дам.
Не раз на заборе сераля
его горожане видали.

Вежды. Лес. Деревья. Ветки.
Между них бежит олень
невесёленькой расцветки.
Спотыкается о пень.

Криво, боком, еле-еле
удержавшись на ногах,
дальше следует отселе.
Взмах копыт, и снова взмах.

За животным через сито
перепутанных лиан
на конях несётся свита.
В самом центре павиан

толстой пяткой шпорит пузо
вороного скакуна.
На камзоле у Хефуса
позументы – ордена.

Кровь из раны тихо льётся
на замшелый перегной.
Олениха не дожждётся
мужа вечером домой.

Это царь копьём блестящим
умертвил его насквозь.
Что-то, вылетев из чащи,
в шею царскую впилося.

Горлом булькнув на мгновение,
пал Хефус пронзён стрелой.
На древке у оперенья
иероглиф роковой.

Переворот. Общаться не с кем.
Как никогда весомо слово.
На всех оконцах занавески.
Дверные замкнуты засовы.

Наоборот акрополь полон
огней, смятения и воли.
Висит тяжёлым ореолом
энергетическое поле

пройдохи Мо над Аквилоном.
Под пыткой стонут фигуранты.
Палач стоит над обречённым
перебирая варианты.

Кого-то тащат вон за город.
Слышны отчаянные крики.
Повешен кто-то, кто-то вспорот,
кого-то подняли на пики.

Седобород Мо, но и бодр.
Императив совсем не в масти.
Ему противен смертный одр,
зато мила вершина власти.

Коварный заговор удачен.
Впиталась в почву кровь оленья.
Мо в бороде улыбку прячет
и принимает поздравленья.

Спустившись в топкую низину,
вдоль равнодушного потока
бежит во тьме Емена с сыном
в неразличимое далёко.

Речь Мо на первом собрании ВОЛа

О примате яйца над курицей
всем думать настоятельно рекомендуется.
Чеканьте шаг мысли на плоскости плаца
идейного. Чтобы не отвлекаться,

наденьте шоры Моих традиций.
Не надевший да убоится!
Самое главное – послушание.
Кто умеет шевелить ушами —

шаг вперёд. Нам нужны филёры.
Ибо спрятавшиеся в норы
ересиархи и насмешники,
Бокононы, их приспешники

оскорбляют Моё Величество,
Моё Сиятельство, Моё Яичество.
Я для всей отщепенской братии
преужасные сочинил проклятия,

а для ревнителей Моего мнения —
отпущение и благословление.
Я изложил их в Главной Книге
для всех участников нашей лиги.

Тщательно изучай Мои инструкции.
В противном случае обструкцию
устроят тебе и вивисекцию
товарищи, ответственные за ритм секцию.

Не сомневайся, получишь истину
беспрекословную и мускулистую.
А тех, кто истины Моей враги,
забыв приличия топи и жги!

Соблюдай кануны. Утверждай каноны.
Расширяй всемерно границы зоны
нашего милостивого влияния.
Будь бдителен! Обрати внимание!

Целуй изваяния Великой Фиги.
Изучай параграфы Главной Книги.
Изучил? Иди сдавать экзамен.
Не сдал? Упал, отжался, замер!

Я избранник. Я строю планы.
Ты в колонне шагаешь правой.
Это кто там шагает левой?
Забыл, как шипят окурки гнева

справедливого в пустых глазницах?!
Бей его! Да убоится!
Да покается, пресмыкаясь!

К чёрту Авеля. Только Каин

может наши решить задачи,
с похвальной преданностью собачьей
на вольнодумцев обрушив злость.
Мы ему выдадим лучшую кость,

конуру с гаражом и орден.
А Вольтерам по гнусной морде.
Замавашим в пятак Эзопам.
Лао Цзы пинка под жопу.

Эпилог: «Я летаю выше птиц,
выше куриц и яиц.
Я – избранник. Я – закон.
А кто против – выйди вон».

Краткое изложение Главной Книги

Едино было вначале всё.
Потом возникло совсем другое.
Затем вселенная как яйцо
стала (естественно, что сырое).

Впоследствии курица из яйца
вылупилась больших размеров.
И не было курице той конца.
Она снесла овальную сферу

второго яйца и т. п. и т. д.
Множились яйца. Множились куры.
Теперь, как видим, они везде.
Но первая, в силу своей структуры,

курица не что иное есть,
как фи́га. Молот и Наковальня —
яйца. Эта благая весть
должна быть признана всеми вами

истиной. Только слепой осёл
с верностью сих постулатов спорить
может. Но это ещё не всё.
Со всех подвластных Нам территорий

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.